

- расширении применения имущественных санкций за отдельные виды экономических преступлений, а также расширении применения наказаний, не связанных с применением лишения свободы;
- создании необходимых условий для введения в действие таких видов наказания, как ограничение свободы, арест и пожизненное лишение свободы;
- ограничении срока содержания под стражей подсудимых в период рассмотрения уголовных дел в суде.

Кроме того, предполагается упростить процедуру дознания и следствия, более широко внедрить институт примирения сторон, усилить гарантии от необоснованного уголовного преследования.

Таким образом, политический курс на последовательное развитие правозащитных механизмов, общую либерализацию политической системы, гуманизацию уголовной правоприменительной практики в Казахстане неизменен.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан, 30 октября 1995 г.
2. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. С.37.
3. Гуманистические основы уголовного процесса: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001, 10 п.л.

Д.В. БАХАРЕВ –

канд. юрид. наук,
заведующий кафедрой ЭиП СурГПУ

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИЧИН ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Изучение роли экономических факторов в генезисе преступности имеет давнюю традицию и достаточное разнообразие в мировой научной литературе. Однако первые возможности изучения феномена преступности с помощью статистических методов, а также исследования зависимости преступности от социально-экономического устройства отдельных государств, появились лишь в конце 20-х гг. XIX столетия, когда на более-менее систематической основе стали формироваться массивы статистической информации о движении преступности в Бельгии и во Франции. Принято считать отцом-основателем статистического направления в изучении причин преступности французского ученого А.Кетле, однако еще за несколько лет до выхода его выдающейся работы «Recherches sur le penchant au crime» (Брюссель, 1831г.), соотечественник Кетле – Дюкпесье сделал первую попытку доказать с помощью числовых данных влияние на рост преступности бедности и «невежества», отметив параллельный рост преступности и бродяжничества в различных графствах Англии, а также сравнив годы неурожая с повышением числа совершенных преступлений во Франции [1, с.253].

В последующем, до конца XIX в. практически в каждой европейской стране появились исследования подобного рода, в которых так или иначе иллюстрировалась взаимосвязь между динамикой числа преступлений и различными социально-экономическими показателями с целью доказательства влияния экономических факторов на преступность. Чаще всего в качестве таких обобщенных показателей уровня экономического развития как государств в целом, так и отдельных их территорий избирались: цены на хлеб, зерно и на съестные припасы вообще; количество бедняков; величина налоговых поступлений и др. При этом постепенно ученые приходили к выводу о том, что ни один из этих показателей, в том числе самый распространенный – цена на хлеб, не может быть даже относительно точным выражением экономической жизни народа. Поэтому многие криминалисты стали искать более сложные, обобщенные критерии отражения уровня экономического развития.

Так, опять же бельгийский исследователь Г. Дени, отмечая громадное развитие индустрии и бурный рост внешней и внутренней торговли в Европе во второй половине XIX в., предложил в качестве такого показателя т.н. «les nombres indicateurs» (числовой показатель), выражающий общее колебание цен на 28 наиболее важных товаров. Сравнив изменение предложенного им индекса с динамикой преступности в Бельгии в период с 1850 по 1883 гг, Дени пришел к выводу о том, что «существует, очевидно, тесная связь между преступностью и переменами экономического положения, выражающимися понижением цен» [1, с.169-170]. Вместе с тем, отмечает Дени, период с 1874 г. сопровождается понижением цен на избранные автором товары и повышением преступности,

из чего Дени делает вывод о том, что на изменение преступности оказывает главным образом влияние положение труда, спрос на него и уровень заработной платы [2]. К сожалению, никакого обобщенного показателя изменения данных значений Дени не предлагает.

Схожие выводы относительно влияния на преступность изменения общей экономической ситуации делают и французские исследователи интересующего нас вопроса: П.Лафарг на основе сравнения кривой преступности с количеством банкротств, в котором он видит более-менее точную меру для измерения степени развития торговли и промышленности страны в целом [1, с.171-175], а М. Де Бэтс обосновывает возможность применения в исследовании данной проблемы принципиально нового интегрального показателя экономического положения – «меры довольства», вычисляемую как отношение заработной платы к «стоимости жизни» [1, с.309]. Постепенно все больший круг европейских криминологов того времени (уже упоминавшиеся Дени, Лафарг, Де Бэтс, а также Форназари ди Верчи, Мейр и др.) склоняется к выводам, которые наиболее точно выразил их современник и коллега Г. Мюллер: «Более чем от чего-либо, возрастание благосостояния и уменьшение преступности зависят от промышленного процветания, ...нужда и усиление преступности происходит от неустойчивости промышленности, от понижения ввоза и вывоза, от промышленных потерь и кризисов, от недостатка работы и ограничения производства, влекущих за собой понижение заработной платы и безработицу» [1, с.309].

Что касается изучения преступности и ее причин в России в период зарождения и развития статистики как науки, то нельзя не акцентировать внимание на том факте, что еще в 1823 г., то есть за несколько лет до выхода в свет работ Дюкпесье и Кетле, академик К.Ф. Герман на заседании Академии наук сделал доклад на тему «Изыскание о числе смертоубийств и самоубийств в России в течение 1819 и 1920 гг.». В нем, в том числе, он приводит результаты изучения преступности по отдельным губерниям и стремится объяснить ее причины влиянием различных факторов – материального положения, пьянства и иных местных условий, например, наличием мелкого воровства, упирающегося, по его мнению, в «гнетущую бедность» и «тяжкие налоги». При этом К.Ф. Герман справедливо отмечал, «что имевшиеся у него данные далеко недостаточны для широких выводов, а зачаточное состояние статистики лишает его возможности сравнивать преступность России с другими странами» [4, с.106-108].

В последующем, к концу 50-х гг. XIX в. ряд других отечественных криминалистов предпринимает попытки использования сначала зарубежных материалов, а позднее и данных русской уголовной статистики для получения выводов о причинах, от которых может зависеть уменьшение или увеличение количества преступных деяний. Так, П. Ткачев в своей известной работе «Статистические этюды (опыт разработки русской уголовной статистики)», приводя соответствующие статистические показатели по отдельным губерниям, отмечал, что губернии с самым противоположным климатом дают сходное число преступлений. «Мы видели, - писал П. Ткачев, - что число и свойство преступлений зависит не столько от географических и климатических условий, сколько от неурядицы и неурядицы в экономической и социальной жизни народа... Все многообразные общественные влияния, способствующие развитию в человеке наклонности к преступлению, сводятся главным образом к влиянию одной причины: отсутствию прочного материального обеспечения, нищете и бедности...» [5, с.21]. При этом необходимо отметить, что данные выводы Ткачева основываются на одностороннем подходе к анализу причин преступности: в своем исследовании он использовал исключительно статистику преступлений по отдельным категориям и губерниям, оставив вне поля своего зрения точную числовую информацию о социально-экономическом положении этих губерний и России в целом (хотя и по объективным причинам – ввиду их скудности и явной недостаточности).

Наиболее значительной работой этого периода, задействовавшей обширный массив статистической информации, касающейся как движения преступности в России, так и материального положения населения, является работа Е.Н. Тарновского «Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России». В ней впервые в отечественной статистике и юриспруденции на основе достоверных фактических данных показана зависимость динамики имущественных преступлений от колебаний хлебных цен и урожаев как в целом по стране, так и по отдельным губерниям [5, с.254-259]. Вместе с тем, отмечая бесспорную значимость данного исследования, осуществленного исключительно на основе российской статистики, нельзя не сказать, что сама методика его проведения не отличается оригинальностью и по сути заимствована у зарубежных предшественников. Однако современники и коллеги Тарновского в области изучения причин преступности далеко не всегда считали использование в этих целях данных о величине урожаев и цен на хлеб методом устаревшим и малоприменимым для практического применения. Так, наш выдающийся юрист-классик М.Н. Гернет, комментируя содержание и результаты вышеуказанной работы Е.Н. Тарновского, целиком ее поддержал, и напротив, не согласился с приведенным выше мнением Дени по данному вопросу, хотя и не возражал против того факта, что показатели занятости, уровня заработной платы, количества забастовок и т.д. имеют «громоздкое значение для преступности» [2]. Очевидно, существовавший в России на начало XX в. уровень развития

производительных сил (подавляющая доля аграрного производства в экономике) сдерживал проявление негативных свойств индустриального типа хозяйствования (еще слабо развитого), что не могло не отразиться и в выводах ученых того периода.

В целом, характеризуя общий вектор научного изучения на рубеже XIX и XX веков роли различных социально-экономических факторов в генезисе преступности в целом и в ее территориальной дифференциации в частности, а также резюмируя и свои мысли по данному вопросу, голландец Ж. Ван-Кан в своем ставшем уже классическим труде «Экономические факторы преступности», справедливо отметил, что поскольку «показатель несостоятельности пригоден специально для торгового класса, ... положение промышленности – для промышленного, а урожай – для земледельческого...», то «при желании получить точные научные выводы надо учитывать все вышеуказанные элементы». «Не следует, - писал он, - замыкаться в односторонней формуле, а надо исследовать экономическую жизнь народа во всех ее различных проявлениях, правильно определить важность наблюдаемых явлений, дать каждому из них надлежащее место в целом и соединить полученные результаты в формуле, одновременно и простой и сложной» [1, с.309]. Итак, более чем столетие назад, нам было предложено достаточно определенное направление движения в исследовании влияния социально-экономических факторов на преступность и ее территориальную дифференциацию. Крайне интересно, на наш взгляд, посмотреть, как же развиваются вышеописанные идеи в работах современных, в частности, российских ученых. С этой целью нами были проанализированы две относительно новые диссертационные работы Ю.А. Токарева [6] и А.В. Швецова [7].

Ставя перед собой задачу «систематизации всей системы причинных связей преступности», первый из указанных авторов предлагает классифицировать все факторы преступности по 8 основным группам (факторы уровня экономического развития регионов, факторы институциональных преобразований, отраслевой структуры экономики, производственные и т.д.). В каждую из этих групп он включает ряд статистических показателей, например, к группе социально-экономических факторов относя показатель соотношения денежных доходов и прожиточного минимума, показатели потребления отдельных групп продовольствия на человека (кг в год), показатель обеспеченности населения жильем (m^2 на человека) и др. Далее при помощи метода регрессионного анализа Ю.А. Токарев рассчитывает парные коэффициенты корреляции между каждым из этих показателей и общим коэффициентом преступности, а также коэффициентами отдельных ее видов (против личности, собственности, преступности несовершеннолетних и др.), выявляя при этом наиболее существенные факторы-аргументы по каждой укрупненной группе факторов преступности. Так, автор приходит к выводу о том, что наиболее значительное влияние на формирование преступного поведения оказывают показатели, связанные с доходами населения – соотношение денежных доходов и прожиточного минимума, средний размер вклада и удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума. На уровень преступлений в сфере экономики оказывает наибольшее влияние наличие в регионе значительного числа лиц с доходами ниже прожиточного минимума и уровень безработицы и т.д.

В том же направлении и с использованием сходной методики движется в своей диссертации А.В. Швецов, хотя делает это он на гораздо более низком научном уровне. Так, используя метод регрессионного анализа при помощи парных и частных коэффициентов корреляции между отдельными социально-экономическими показателями (никак не аргументируя их выбор) и уровнем преступности, а также уровнем отдельных видов преступлений, показывает, что величина уровня преступности во многом определяется уровнем зарегистрированной безработицы. Этот же фактор наряду с долей экономически активного населения влияет, согласно выводам автора, на уровень зарегистрированных краж и т.д.

Далее А.В. Швецов предпринял попытку дать сравнительную оценку социально-экономической эффективности развития регионов Приволжского федерального округа. При этом он без всякой аргументации своих действий решает исследовать уровень качества жизни населения, оставляя вне своего диапазона весь остальной массив социально-экономических показателей регионального развития. При этом, в качестве универсального показателя для проведения сравнительной оценки социально-экономической эффективности регионов Приволжского федерального округа автор, непонятно по какой причине, выбрал, наверное, самый простейший критерий социально-экономической эффективности (СЭЭ), исчисляемый как произведение показателя ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении (ПЖ) и показателя валового регионального продукта на душу населения (ВРПдуш.). Далее автор ранжирует регионы Приволжского федерального округа, в зависимости от значений данного показателя в 1999 и 2003 гг. По результатам исследования, Республика Марий Эл находится по данному показателю на предпоследнем, 13-м месте среди других регионов ПФО как в 1999, так и в 2003 гг. По показателю же уровня преступности и в 1999 и в 2003 годах республика находилась на 3-м месте среди других регионов ПФО. Наверняка учтя данное обстоятельство, автор решил выдвинуть гипотезу об обратной взаимосвязи уровней преступности и социально-экономической эффективности. В целях

иллюстрации данного постулата, он производит сравнение динамики этих показателей в период с 1999 по 2003гг, которое действительно демонстрирует снижение уровня преступности с одновременным увеличением показателя социально-экономической эффективности региона. Вместе с тем, на наш взгляд, в логике автора есть ряд как фактологических, так и методологических ошибок. В частности, говоря о снижении уровня преступности в 2002 году (причем, в масштабах практически всей страны), А.В. Швецов забывает упомянуть о том, что данное уменьшение было вызвано, в первую очередь, вступлением в действие обновленного уголовно-процессуального законодательства, коренным образом затруднившего деятельность правоохранительных органов, что выразилось в значительном сокрытии от регистрации фактов совершения преступлений. Даже на примере Республики Марий Эл четко видно: составлявший в 2002г. показатель уровня преступности в 1748 прест., в 2003г. составил 1966, а в 2004г. уже равнялся 2383, то есть формально превысил показатель 2001г. (2382). Кроме того, иллюстрируя свою мысль примером Республики Марий Эл, автор почему-то не обращает внимания на следующий очевидный факт: упомянув о том, что Пензенская область занимала последнее место по уровню ССЭ среди регионов ПФО как в 1999, так и в 2003гг., его почему-то не заинтересовал вопрос о динамике уровня преступности в данном субъекте федерации в указанный период. Дело в том, что по этому показателю Пензенская область занимала последнее место, т.е. уровень преступности был там самый низкий в Приволжском федеральном округе. Таким образом, только один данный факт ставит под сомнение всю и без того шаткую систему доказательств автора

И далее, при помощи методики кластерного анализа автор производит многомерную классификацию субъектов ПФО по уровню социально-экономического развития в 2003г. В соответствии с ней все субъекты ПФО разделены на 4 кластера. Республика Марий Эл вошла в состав группы субъектов с наименьшими показателями социально-экономического развития наряду с Пензенской обл., Чувашской Респ. и Респ. Мордовией, тогда как в кластер наиболее развитых в этом отношении регионов вошли Самарская и Пермская области, а также Респ. Татарстан. Такая ситуация, на взгляд А.В. Швецова, еще раз доказывает его вывод о взаимосвязи уровня социально-экономического развития региона и степени его криминогенности. Однако почему-то автора не смутил тот факт, что, несмотря на определенную однородность в плане социально-экономических показателей, регионы, входящие в состав одного кластера, демонстрируют различный уровень преступности в них в 2003г.: 1-й кластер (Самарская обл. - 1882, Пермская обл. - 3113, Респ. Татарстан - 1559) и 2-й (Пензенская обл. - 1158, Чувашская Респ. - 1614, Респ. Мордовия - 1513, Респ. Марий Эл - 1966 прест.), т.е. один из наиболее развитых в экономическом плане субъектов - Пермская обл. характеризуется уровнем преступности, который практически вдвое превышает уровень преступности большинства из депрессивных регионов (за исключением Респ. Марий Эл), а уровень преступности в другом «гиганте» - Самарской обл. опять же значительно превышает аналогичные показатели трех из четырех регионов 2-го кластера (исключая снова только Респ. Марий Эл). Таким образом, средний уровень преступности в регионах 1-го кластера - 2184 прест. намного превышает эту же цифру в регионах 2-го - 1562, т.е., подобная картина скорее опровергает выводы диссертанта, нежели их подтверждает. И данный факт плачевен, потому что сама концепция о взаимосвязи социально-экономического положения региона и уровня преступности в нем, на наш взгляд, заслуживает безусловной поддержки и нуждается в тщательных исследованиях, сопровождающихся обоснованными выводами.

Нами было предпринято подобное исследование, при этом, памятуя о мысли Ван-Кана, мы, в отличие от вышеуказанных авторов, попытались найти тот интегральный показатель, характеризующий в комплексе различные стороны социально-экономической жизни отдельных территорий, и сравнить его с уровнем и динамикой преступности в них.

Для нас очевидно, что общий уровень социально-экономического развития отдельного региона¹ напрямую зависит от уровня его экономической инфраструктуры, т.е. эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства, количества экономически активного населения, развития сферы торговли, услуг и т.д. Иными словами, экономическая инфраструктура является тем базисом, фундаментом, на котором строится вся социально-экономическая сфера отдельной территории. Соответственно, в качестве гипотезы можно предположить существование некоторой зависимости между уровнем и динамикой преступности и уровнем развития экономической инфраструктуры региона.

Таким образом, можно провести исследование, цель которого будет заключаться: а) в определении уровня и динамики развития экономической инфраструктуры отдельных субъектов Российской Федерации, относительно схожих по своим экономическим, социальным и демографическим показателям, и б) в выявлении возможного влияния указанных особенностей на дифференциацию уровня преступности в этих регионах.

¹ Под термином «регион» в настоящей работе понимается территория, границы которой определены действующим в стране административно-территориальным делением, т.е. субъект Российской Федерации.

Формат настоящего издания не позволяет подробно описать каждый этап проделанной нами работы, поэтому постараемся сделать это тезисно.

Во-первых, нами была определена группа регионов, экономика которых будет подвергнута анализу. Ясно, что не сопоставимы между собой индустриально развитые и аграрные регионы, территории с преобладающим ресурсным (добывающим) и обрабатывающим типом промышленного производства. Очевидно, что различаться они будут не только по этим характеристикам, но и по другим социально-экономическим факторам, таким как плотность населения, уровень урбанизированности территории, доходы населения и др., которые совсем не одинаково будут отражаться на характеристиках преступности в этих регионах. Поэтому, пусть в поле нашего зрения оказались такие сравнительно схожие и по структуре производства, и по другим, значительно зависимым от структуры производства важным социально-экономическим показателям территории России как аграрные регионы.

Необходимо помнить о той существенной методологической ошибке, которая встречалась в проанализированных выше работах, и заключающаяся в том, что при выделении социально-экономических факторов, влияющих на территориальную дифференциацию преступности, происходит сравнение по заданным критериям заведомо несопоставимых регионов. Очевидно, что исследование причинного комплекса преступности в регионах никак не может быть ограничено исключительно лишь социально-экономическими детерминантами; он (комплекс), во-первых, существенно расширяется за счет влияния национально-культурного уклада, и, во-вторых, значительно дифференцируется за счет коренного различия в социально-экономических условиях жизнедеятельности городских и сельских жителей. В целях минимизации значения данных факторов в генезисе преступности, необходимо из приведенного нами выше перечня регионов со значительной долей сельского хозяйства в ВРП выделить группу предельно схожих по своим экономическим, социально-демографическим, национальным и территориально-климатическим условиям хозяйствования. С этой целью нами был разработан ряд критериев, в число которых вошли:

а) уровень урбанизированности региона – не более 2 городов с численностью населения свыше 200 тыс. чел. на регион и отсутствие городов с числом жителей свыше 1 млн. чел.;

б) соотношение городского и сельского населения – более 30% населения проживает в сельской местности;

в) национальная структура населения – не менее 90% населения в регионе русской национальности;

г) территориально-климатические условия – климат умеренного пояса.

Исходя из этих требований, из числа вышеуказанных субъектов Федерации выделена группа регионов, в число которых вошли: Белгородская, Брянская, Воронежская, Костромская, Курганская, Курская, Орловская и Тамбовская области.

Далее, при помощи методики многомерного сравнительного анализа с целью определения уровня развития экономической инфраструктуры проведем комплексную оценку результатов хозяйствования в этих регионах¹.

Для начала нами должна быть выделена совокупность показателей, которые определяют содержание экономических процессов и содержат обобщающие данные о результатах хозяйственной деятельности отдельного региона страны. К числу таких показателей принято относить: общее число предприятий и организаций (тыс. ед.), налоговые доходы субъектов Федерации (млн. руб.), инвестиции в основной капитал (млн. руб.), число занятых в экономике (тыс. чел.), уровень безработицы (%), выпуск продукции промышленности (млн. руб.), выпуск продукции сельского хозяйства (млн. руб.), объем торговли (млн. руб.) [3, с.86]. После этого, для каждого из приведенных выше показателей экспертным путем мы устанавливаем весовой коэффициент (от 1 до 2), отражающий значимость каждого показателя в определении итогового результата хозяйственной деятельности региона за отдельный период.

Следующим этапом является построение матрицы стандартизованных коэффициентов для каждого из показателей хозяйственной деятельности. Данные коэффициенты вычисляются по формуле:

$$x_{ij} = \frac{a_{ij}}{\max a_{ij}}, \quad (1)$$

где a_{ij} – величина показателя,

$\max a_{ij}$ – максимальная величина данного показателя,

x_{ij} – величина стандартизованного коэффициента.

И наконец, итоговые коэффициенты отдельных показателей вычисляются по формуле:

$$R_i = K_1 x_{1j}^2 + K_2 x_{2j}^2 + \dots + K_n x_{nj}^2, \quad (2)$$

¹ Все использованные статистические данные приводятся по изданию: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009.

где K – соответствующий весовой коэффициент,
 x_{nj}^2 – квадрат стандартизованного коэффициента,
 R_i – индекс развития экономической инфраструктуры региона.

Полученные в результате средние арифметические значения индекса развития экономической инфраструктуры (ИРЭИ) в восьми областях в период с 1996 по 2008 годы представлены в таблице. Кроме того, здесь же представлены средние арифметические значения уровня преступности в данных областях за указанный период. Проанализировав полученные данные, можно сделать ряд небезынтересных, хотя и кратких выводов.

**Средние значения показателей уровня преступности и ИРЭИ
аграрных регионов за период 1996-2008 гг.**

	Среднее арифметическое значение показателя уровня преступности за период 1996-2008 гг.	Среднее арифметическое значение показателя ИРЭИ за период 1996-2008 гг.
Белгородская область	1312,3	7,236
Брянская область	1994,1	1,415
Воронежская область	1594,3	9,348
Костромская область	2094,8	0,895
Курганская область	3246,9	0,406
Курская область	1910	3,159
Орловская область	1841,3	1,220
Тамбовская область	1596,1	1,126
Коэффициент парной линейной корреляции	-0,404	

Итак, во-первых, сопоставление динамики индекса развития экономической инфраструктуры (ИРЭИ) и динамики уровня преступности в исследуемых регионах показывает, что регионы, имеющие наибольшие средние показатели ИРЭИ за указанный период времени отличаются наименьшим средним значением уровня преступности (Белгородская и Воронежская области), и наоборот, регионы, отличающиеся наименьшими средними показателями ИРЭИ либо стабильно отрицательной динамикой данного показателя, характеризуются наибольшим средним значением уровня преступности (Костромская и Курганская области). Белгородская область, находившаяся в период с 1996 по 2005гг. лишь на втором месте по показателю ИРЭИ (уступая Воронежской области), вместе с тем стабильно обладала наименьшим уровнем преступности. Этот факт, возможно, объясняется намного лучшей динамикой (опять же по сравнению с Воронежской областью) ИРЭИ Белгородской области: спад его значений наблюдался там лишь в период с 2001 по 2003гг. Что касается противоположного примера – Курганской области, то данный регион стал своеобразным «рекордсменом» и в течение двух лет (1999-2000гг.) занимал первое место по уровню преступности в стране. Экономика этой области, единственная из всех рассматриваемых, за весь исследуемый период(!) демонстрировала ежегодное замедление темпов своего развития, что, в конечном итоге привело к более чем десятикратному(!) снижению показателя ИРЭИ в 2008г. по сравнению с 1996г. В последние годы Курганская область стабильно входит в пятерку регионов России, демонстрирующих наиболее высокий уровень преступности, являясь при этом единственным аграрным регионом среди «конкурирующих» с ним индустриально развитых и урбанизированных территорий. Скорее всего, что не последнюю роль в этом сыграла постепенная деградация экономики Курганской области, отрицательно сказавшаяся на общей социально-экономической ситуации в этом регионе.

И во-вторых, в целях дальнейшего подтверждения гипотезы о наличии взаимосвязи между ИРЭИ и уровнем преступности в регионе, используя метод парной линейной корреляции, вычислим коэффициент корреляции между средним арифметическим значением показателя уровня преступности и средним арифметическим значением показателя ИРЭИ. Он составляет -0,404, и свидетельствует о наличии значительной степени обратной связи между ними, т.е., с увеличением показателя ИРЭИ наблюдается уменьшение уровня преступности, и наоборот.

Таким образом, можно сделать вывод о возможности и целесообразности использования при дальнейшем исследовании проблем территориальной дифференциации преступности различных интегральных показателей социально-экономического развития регионов, в том числе и индекса развития экономической инфраструктуры. Тем более, что такой подход будет базироваться на достижениях и традициях ставших уже классическими исследований.

Литература:

1. Ван-Кан. Экономические факторы преступности. – М.: Издание Г.А. Лемана, 1915.
2. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. – М.: Унив. тип., 1905 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3470/>
3. Николаева М.Г., Мордовченков Н.В. Влияние экономической инфраструктуры на качество жизни населения // Регионология. 2007. №1.
4. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1980.
5. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1960.
6. Токарев Ю.А. Методология статистического исследования территориальной дифференциации преступности в Российской Федерации и ее факторов. Дисс...канд. экон. наук. – Самара, 1999.
7. Швецов А.В. Статистический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень преступности в регионе. Дисс...канд. экон. наук. – Москва, 2006.

Е.В. БОЙКО –

преподаватель кафедры права
и МПО ТГСПА им. Д.И. Менделеева

ОСНОВАНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ

Российская Федерация сделала значительные шаги на пути укрепления государственности и реформирования системы общественных отношений. В условиях обновления всех сторон социального бытия, противоречивости государственных реформ все же возникает одна из правовых проблем – дискриминация. Под дискриминацией понимается действия, закрывающие членам определенной группы доступ к ресурсам или источникам дохода, доступным для остальных [2, с. 665]. Понятие может трактоваться широко – когда члены определенной группы воспринимаются по иному, негативно, и против них существуют предрассудки (гендерные, национальные, расовые и др.), вследствие чего следуют дискриминационные действия [1, с. 182]. Узкая трактовка – когда как дискриминация рассматривается только как действия; направленные против дискриминируемой группы, а сами предрассудки в понятие дискриминация не входят.

Термин «дискриминация» был введен в 1970-х гг. экофилософами Ричардом Райдером и Питером Стингером, которые под дискриминацией понимали – принцип равенства, распространяющийся на всех живых существ: и на людей и на животных других видов. Сегодня понятие дискриминация не имеет однозначной дефинитивной конструкции в правовой доктрине, ни в законодательстве. Реалии современности ставят перед юридической наукой немало сложных вопросов, требующих глубокого теоретического обоснования и действенных форм юридического реагирования. Стратегическим ориентиром общественного и государственного развития является международное право, где уделяется пристальное и неизменно постоянное внимание к проблемам дискриминации. Запрет дискриминации возведен международно-правовыми стандартами в статус общепризнанного принципа, системному анализу подвергнуты разнообразные формы проявления дискриминации. Изучение этого принципа как института современного общего международного права отстает от практики его применения. Устав ООН – основной международный договор современного международного права – закрепил принцип «уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (п. 3 ст. 1 Устава). Этот принцип получил дальнейшее развитие во Всеобщей декларации прав человека, которая провозгласила что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (ст. 1 Устава). В Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации нации и в ряде других международных документов термин «дискриминация» используется для обозначения «незаконных» или «несправедливых различий». В то же время определенные ограничения прав, различия или даже предпочтения, которые государства проводят в отношении определенных категорий лиц, не рассматриваются как дискриминационные. Равенство не означает одинакового обращения. Ограничения прав не всегда ведут к дискриминации, не являются и противозаконными с точки зрения современного международного права предоставления определенных преимуществ отдельным категориям лиц.

В части 3 ст. 37 Конституции РФ установлено, что каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации. Однако содержание термина «дискриминация» конституционная норма не раскрывает. Аналогичный подход использован и в Трудовом кодексе РФ.